

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой ТГЯиМКК

_____ О.В. Магировская

« ____ » _____ 2019 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ДИСКРЕДИТАЦИИ В
НЕМЕЦКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ**

(НА ПРИМЕРЕ КОНФЛИКТА США – РОССИЯ)

Выпускник

Е.Ю. Пчелинцева

Научный руководитель

канд. филол. наук,
доц. каф. ТГЯиМКК Л.М. Штейнгарт

Нормоконтролер

С.В. Кузьмина

Красноярск 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....	8
1.1. Основные подходы к изучению дискурса.....	8
1.1.1. Понятие «дискурс» в зарубежной лингвистике.....	8
1.1.2. Понятие «дискурс» в отечественной лингвистике.....	11
1.2. Политический дискурс как объект изучения языкознания.....	18
1.2.1. Политический дискурс: содержание и специфика.....	18
1.2.2. Политический дискурс как компонент институционального дискурса.....	23
1.3. Коммуникативные стратегии и тактики как приём воздействия в языковом поле политического дискурса.....	26
1.3.1. К определению коммуникативной стратегии и коммуникативной тактики.....	26
1.3.2. Понятийный аспект тактик обвинения, оскорбления и издёвки в качестве реализации стратегии дискредитации.....	31
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	36
ГЛАВА 2. РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ДИСКРЕДИТАЦИИ В НЕМЕЦКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	38
2.1. Языковые средства реализации стратегии дискредитации в немецком политическом дискурсе.....	38
2.1.1 Реализация тактики обвинения в немецком политическом дискурсе.....	38
2.1.2 Реализация тактик оскорбления и издёвки в немецком политическом дискурсе.....	45
2.2. Языковые средства реализации стратегии дискредитации в американском политическом дискурсе.....	49
2.2.1 Реализация тактики обвинения в американском политическом дискурсе.....	49
2.2.2 Реализация тактик оскорбления и издёвки в американском политическом дискурсе.....	54
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	59
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	62

ВВЕДЕНИЕ

Данная бакалаврская работа посвящена исследованию реализации стратегии дискредитации в немецком и американском политическом дискурсе на материале конфликта между США и Россией в период 2014-2019 годов.

В 2014 году по решению правительства России было положено начало работы над возвращением полуострова Крым в состав земель Российской Федерации с территории Украины. Вследствие такой политической стратегии произошло обострение отношений между Россией и США и странами Европы. Осуществление непризнанных иностранным сообществом действий со стороны российского правительства привело к международному конфликту, в результате чего рядом стран были введены экономические санкции против России. Так было положено начало конфликту между Россией и международным сообществом с 2014 года до настоящего времени, получившему широкий международный резонанс. В виду того, что острый межкультурный конфликт продолжается и сейчас, к тому же являясь предметом широкого обсуждения не только на территории России и США, но и во всём мире, данная работа может считаться **актуальной** в области политического дискурса.

Не менее важно отметить отношения между Германией и странами-оппонентами конфликта, выбранного в качестве практического материала. Так, связь России и Германии устанавливалась на протяжении многих веков. На современном этапе два государства формируют международное сотрудничество на многих уровнях (в том числе и политическом): официальные визиты лидеров государств для обсуждения актуальных вопросов (как относительно отношений России и Германии, так и общемировых), межгосударственные консультации, участие в значимых торжественных мероприятиях, а также межнациональный диалог между гражданами, культурное взаимодействие, студенческие обмены и т.д.

Затрагивая двустороннее взаимодействие Германии и США, некоторыми учёными принято считать, что выстраивание межгосударственных отношений данных двух стран берёт начало с приобретения Соединёнными Штатами независимости от Великобритании. Таким образом, на настоящий момент Германия и США поддерживают дипломатические отношения и торговое партнёрство.

Цель исследования – выявить, описать и систематизировать языковые средства выражения стратегии дискредитации в политическом дискурсе США и Германии.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Рассмотреть исходные понятия (дискурс, политический дискурс, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика).
2. Выявить и изучить специфику политического дискурса как разновидности институционального дискурса.
3. Описать коммуникативные стратегии и тактики как приёмы воздействия в политическом дискурсе.
4. Выявить, проанализировать и систематизировать языковые средства реализации стратегии дискредитации и составляющих её тактик в немецком политическом дискурсе.
5. Выявить, проанализировать и систематизировать языковые средства реализации стратегии дискредитации и составляющих её тактик в американском политическом дискурсе.
6. Провести сравнительный анализ языковых средств реализации стратегии дискредитации и составляющих её тактик в немецком и американском политическом дискурсе.

Объектом изучения является стратегия дискредитации и составляющие её тактики в современном немецком и американском политическом дискурсе.

Предмет исследования – языковые средства реализации стратегии дискредитации и составляющих её тактик в политическом дискурсе Германии и США.

Материалом исследования послужили 145 статей, взятых из качественных печатных изданий: 63 статьи из немецкой (Der Spiegel, Focus, Stern, Die Zeit, Welt, Frankfurter Allgemeine Zeitung) и 82 статьи из американской прессы (New York Daily News, The New York Times, U.S. News & World Report, The Washington Post) в период с декабря 2014 года по июнь 2019 года. Иллюстративным материалом для практической части работы послужили 49 немецкоязычных и 58 англоязычных статей. Письменный текст печатных изданий был взят с официальных электронных ресурсов (немецкие сайты: www.spiegel.de, www.focus.de, www.stern.de, www.zeit.de, www.welt.de, www.faz.net; американские сайты: www.nydailynews.com, www.nytimes.com, www.usnews.com, www.washingtonpost.com).

Основной **теоретико-методологической базой** нашего исследования послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов: в области изучения дискурса (Н.Д. Арутюнова, 2009; Э. Бенвенист, 2009; В.Г. Борботько, 1998; Т.А. ван Дейк, 2000; В.З. Демьянков, 1995; 2011; В.И. Карасик, 2000; 2002; А.А. Кибрик, 2003; Е.С. Кубрякова, 2000; М.Л. Макаров, 2003; А.Г. Моногарова, 2013; А.В. Олянич, 2004; Л.П. Рыжкова, 2007; П. Серио, 1999; Ю.С. Степанов, 1995; Е.В. Сычева, 2011; 1952; J. Habermas, 1989; Z. Harrys, 1952; R.T. Lakoff, 1982; M. Stubbs, 1983; T.A. van Dijk, 1998), в области изучения политического дискурса (Э.В. Будаев, 2011; М.В. Гаврилова, 2002; Д.Б. Гудков, 2003; В.З. Демьянков, 2002; 2003; О.Л. Михалёва, 2003; О.Н. Паршина, 2005; А.П. Чудинов, 2006; Е.И. Шейгал, 2000а; 2000б), в области изучения коммуникативных стратегий и тактик (Л.В. Балахонская, 2014; Р.М. Блакар, 1987; О.С. Иссерс, 1997а; 1997б; 2008; О.Н. Паршина, 2005; А.О. Соломатина, 2014; З.С. Хабекирова, 2011).

В данной бакалаврской работе основополагающими являются **методы** описательного, контекстуального и сравнительного анализов, интерпретационного дискурс-анализа.

Практическая значимость данной работы заключается в возможном дальнейшем использовании результатов исследования в различных областях. В рамках лингвистики и межкультурной коммуникации, последующее сопоставление немецкого и американского дискурса с другими лингвокультурами (в качестве продолжения данного исследования или новых научных работ). Для начинающих журналистов настоящая работа может послужить практическим материалом о масс-медийном пространстве и различных типах дискурса. Для начинающих политиков – формирование понимания о способах речевого воздействия и иллюстративный материал различных языковых реализаций тактики, а также наблюдение последующих вероятных результатов.

Перед началом работы нами было выдвинуто предположение, что как в немецком, так и в американском политическом дискурсе в масс-медийном пространстве наиболее явными, с высокой частотой употребления, средствами будут являться языковые средства реализации стратегии дискредитации на лексическом уровне, т.к. они оказывают необходимое влияние на массового адресата и вследствие этого приобретают прагматическое значение.

Поставленные цели и задачи определяют **структуру** данной работы. Бакалаврская работа общим объёмом в 66 страниц состоит из введения, двух глав, выводов по главам, заключения, списка использованных источников, включающего 48 наименований, в том числе 8 на иностранном языке.

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень изученности вопроса, определяются объект и предмет исследования, цель и задачи работы, описывается общая методика и практическая значимость, указываются источники фактического материала, приводятся данные о структуре.

В **главе 1** «Теоретические основы изучения политического дискурса» рассматриваются подходы к определению дискурса и его место в отечественной и зарубежной лингвистике, специфика политического дискурса как разновидности институционального, роль коммуникативных стратегий и тактик в оказании воздействия на реципиента.

В **главе 2** «Реализация стратегии дискредитации в немецком и американском политическом дискурсе» исследуются языковые средства реализации стратегии дискредитации и составляющих её тактик (обвинения, оскорбления и издёвки) на материале качественной прессы Германии и США на лексическом и грамматическом уровнях.

В **заключении** обобщаются результаты проведённого анализа, соотносятся с поставленными во введении целью и задачами и намечаются перспективы для дальнейшего изучения рассматриваемых в работе проблем.

Апробация работы: основные положения данного исследования были представлены на международных научно-практических конференциях молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» в г. Красноярске (2018, 2019).

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

1.1. Основные подходы к изучению дискурса

1.1.1. Понятие «дискурс» в зарубежной лингвистике

Дискурс – многозначное понятие. В ходе истории данный термин, помимо области языкознания, также употреблялся в сфере философских наук, политологии, социологии, литературоведении, и поэтому имеет множество научных интерпретаций. В зависимости от раздела науки, семантика понятия может довольно сильно варьироваться. Так, например, в разное время к понятию дискурса обращались многие учёные, как в классической философии, так и философии постмодернизма. Данный термин имел место и развитие в работах немецких, французских и других философов. В области гуманитарных наук и лингвистики, в частности, понятие дискурса стало одним из ведущих. Многие учёные отечественной и зарубежной лингвистики изучали явление дискурса, и в своих научных работах формировали трактовку термина, выведенную в ходе проведения языковых исследований. Так, в настоящее время различают ряд подходов к определению дискурса.

В зарубежной лингвистике дискурс приобрёл широкое развитие в трудах многих известных учёных. Активное упоминание в исследованиях иностранных лингвистов дискурс впервые получил в середине XX века.

Однако, на начальных этапах изучения данного явления, некоторые учёные высказывали сомнение о положении дискурса в лингвистическом научном поле. Например, Робер Годель, представитель Женевской школы, писал: «дискурс – довольно опасное слово для использования в лингвистических определениях, так как оно подразумевает и мышление, и речь» [Слюсарева; цит. по Борботько, 2011: 11].

Учёные американской школы XX века (Дж. Браун, Дж. Херитедж, Т. ван Дейк, З. Харрис, Н. Фэрклаф) в своих исследованиях в некоторой степени

опирались на постулаты антропоцентризма (который являлся одной из ведущих парадигм того века), в частности на связь социума и языка.

В лингвистическое научное поле одним из первых данный термин ввёл З. Харрис, американский учёный-лингвист. Первое упоминание о нём встречается в исследовательской работе лингвиста в 50-е годы XX века. Определение дискурсу он дал в своей статье «Discourse Analysis» и интерпретировал его как связную последовательность высказываний, отрезок текста, больше, чем предложение [Harrys, 1952].

Вслед за З. Харрисом, в 60-е годы изучением дискурса занялись учёные французской школы дискурс-анализа. В их число входили такие исследователи, как К. Арош, П. Анри, М. Пешё, Р. Робен, М. Фуко и др. Несмотря на то, что на научную деятельность французских лингвистов повлиял в том числе и сам З. Харрис, они подвергали сомнению некоторые из его постулатов. Позже они вывели свою трактовку термина «дискурс», закладывая в семантику понятие дискурса как языковое единство, в целом реализующееся и в письменной, и в устной речи. Одной из заслуг лингвистов французской школы является разграничение понятий «высказывание» и «дискурс». «Высказывание – последовательность фраз, которые заключены между двумя семантическими пробелами, тогда как дискурс – это высказывание, которое рассматривается с точки зрения дискурсивного механизма, управляющего им» [Серио, 1999: 26–27].

В своей работе П. Серио даёт несколько определений дискурса, подчёркивая его многозначность: 1) дискурс как эквивалент понятию «речь» (по Ф. де Соссюру); 2) единица, которая по размеру превосходит фразу, являясь высказыванием в глобальном смысле; 3) в рамках прагматики – как воздействие высказывания на получателя; 4) «беседа» как основной тип высказывания; 5) речь, присваиваемая говорящим (по Э. Бенвенисту); 6) исследование языковых единиц в «языке» и в «речи» на основе их противопоставления; 7) система ограничений, накладываемых на неограниченное число высказываний в зависимости от социальной или

идеологической позиции (например, административный, феминистский дискурс) [Там же].

Французский лингвист Э. Бенвенист ввёл понятие дискурса, опираясь на идеи антропоцентризма, характерного для течения науки о языке во второй половине XX века. В рамках данной парадигмы учёный определил дискурс как «речь, присваиваемую говорящим» [Бенвенист, 2009: 296].

Резюмируя, понимание явления «дискурс» во французской школе можно описать как «интенционально обусловленное гетерогенное единство, реализующееся либо в виде устной речи как результат процесса взаимодействия коммуникантов в некотором социальнокультурном контексте, либо в виде письменного текста в разных его аспектах» [Рыжкова, 2007: 166].

Исследованием дискурса также занимались учёные из британской школы (Дж. Аткинсон, Дж. Юл, М. Стаббс). Так, обращаясь, например, к работе М. Стаббса, можно получить некоторое представление о том, как лингвисты-британцы интерпретировали в своих работах явление «дискурс».

М. Стаббс представляет понятие дискурс как языковое явление, превосходящее по содержательному объёму предложение. Дискурс, как описывает учёный, является продолжительным, содержательным языковым явлением, тогда как текст может быть и довольно коротким. В дополнение, в качестве отличительных черт лингвист упоминает связь дискурса с социальным контекстом и характерную для него диалогичность, тогда как текст в большинстве своём является монологичным явлением [Stubbs, 1983].

Особое место в изучении дискурса занимают работы лингвиста, профессора Амстердамского университета Т.А. ван Дейка. В широком смысле он определяет дискурс как комплексное коммуникативное событие, участниками которого являются две стороны, – говорящий и слушающий – в процессе коммуникативного действия в заданном контексте (определённое время, место и т.д.). В узком – это текст или разговор, выступающий как завершённый или продолжающийся «продукт» коммуникации, а также

письменный или устный результат, который интерпретируется адресатами сообщения. Важно добавить, что дискурс может использоваться для определения жанра (политический дискурс, рекламный дискурс и т.д.) [ван Дейк, 1998].

Понятие дискурса в XX веке на протяжении двадцати лет подвергалось существенным изменениям. Так, определение дискурса усложнилось, и стало восприниматься как сложная система иерархии знаний, которая предполагает наличие интегрированных моделей обработки дискурса. Вследствие этого, Т. ван Дейк занимался также изучением когнитивной модели дискурса. Он выделял следующие два базовых аспекта: структуры представления знаний и способы концептуальной организации. Т. ван Дейк говорил о том, что мы склонны понимать текст только тогда, когда мы понимаем ситуацию, о которой идёт речь. Таким образом, только посредством моделей мы можем определить истинность или ложность тех или иных фрагментов текста, установить их кореферентность и выявить связность на локальном и глобальном уровнях [ван Дейк, 2000].

Рассмотрев труды американских и европейских учёных, в XX – XXI веках занимающихся вопросом сущности дискурса, его отличительных особенностях и положении в сфере лингвистики, большинство исследователей сходились на значимости связи «дискурс – человек», связывая данный термин с обществом, а значит и социологическим, психологическим и другими аспектами. Помимо этого, в их трудах поднималась проблема сравнения понятий «дискурс» и «текст» и того, в чём заключаются их ключевые различия, что также способствовало лучшему пониманию дискурсивного явления.

1.1.2. Понятие «дискурс» в отечественной лингвистике

В отечественной лингвистике исследование дискурса имеет высокую значимость среди работ многих учёных. Одним из ранних учёных в области

изучения данного явления является Ю.С. Степанов. В своей работе он называет дискурс «особым использованием языка для выражения особой ментальности; особое использование влечет активизацию некоторых черт языка и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики» [Степанов, 1995: 38–39]. Ю.С. Степанов предполагал, что дискурс всё же не создаётся в любой языковой культуре. Кроме того, отличительной чертой дискурса он называет необходимость создания «идеального» адресата, т.е. того, с кем у участника дискурса совпадает пресуппозиция, тогда у двух сторон коммуникации сложится правильное общение.

В конце концов, Ю.С. Степанов сжимает определение дискурса до краткого «язык в языке», существующий в своём «особом мире», с определёнными грамматическими, лексическими, синтаксическими и др. чертами [Там же].

В.Г. Борботько, доктор филологических наук, в свою очередь тоже обращался к трактовке данного термина. В своих научных работах он говорил о том, что дискурс – или текст связной речи – стоит понимать как «речемыслительный процесс, приводящий к образованию структуры», причём «вся языковая система, как средство речевого моделирования образа, порождаемого человеческим сознанием, приходит в активное состояние», так что в ходе описания дискурса «необходимо учитывать особенности участия в этом процессе единиц разных уровней языка» [Борботько, 1998: URL].

Многие исследователи языка – в том числе и отечественные – в своих работах подчёркивают, что дискурс, представляя собой некий «промежуток» между речью, языковым поведением, действующей коммуникацией и фиксированным текстом, имеет разные научные интерпретации. Поэтому для более четкого понимания данного термина стоит привлекать другие смежные науки (например, прагмалингвистика, социалингвистика, психоллингвистика, когнитивная лингвистика и т.д.) [Моногарова, 2013].

О.Л. Михалёва также разделяет точку зрения о том, что термин «дискурс» не имеет какой-либо однозначной интерпретации и не обладает строгими рамками ограничения определения. Кроме того, в своей работе она подчёркивает междисциплинарный характер данного явления. Это не в меньшей мере способствует расплывчатости определения, т.к. спектр пересечения с другими науками довольно велик, а значит «дискурс» наделяется различными особенностями [Михалёва, 2009].

В конце XX века учёные стали активно привлекать коммуникативный подход к изучению явления дискурса. В результате были переосмыслены некоторые термины, а также терминологический аппарат пополнился новыми (например, дискурс, концепт) [Там же].

В.И. Карасик определяет дискурс как «текст, погруженный в ситуацию общения, допускающий множество измерений» [Карасик, 2000: 5]. Согласно исследованиям, представленным в его работе, выделяют несколько основных подходов к исследованию текста и его характеристик: структурный, коммуникативный и лингвокультурологический. В.И. Карасик добавляет, что для осмысления текста лингвистам необходимо рассмотреть его в различных ситуативных аспектах. А для изучения самого дискурса учёные-лингвисты прибегают к имманентно-лингвистическим, социолингвистическим и прагмалингвистическим подходам. В.И. Карасик подчёркивает, что наиболее важной характеристикой дискурса как феномена культуры являются его ценностные признаки. Возникает необходимость исследовать установленные в сознании языковых личностей нормы поведения, ценности той или иной культуры [Карасик, 2002].

Дискурс, являясь центральным элементом в процессе коммуникации, представляет совокупность человеческого опыта и конечного стечения обстоятельств. Человеческий опыт включает в себя осознанные и неосознанные модели этнокультурного поведения и реализуется во внутренней форме содержательных языковых единиц. Дискурс, помимо структурных характеристик, также обладает тонально-жанровыми

изменениями. Данный аспект включает в себя такие параметры, как прямое или косвенное выражение интенций, обиходность или ритуальность, определение дистанции и т.д. Каждый из данных параметров связан между собой [Там же].

В рамках социолингвистической науки, дискурс – это общение людей, которое рассматривается с позиций принадлежности к той или иной социальной группе, применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации. В такой среде представляется возможным выделить политический, сценический, юридический, военный и другие виды институционального дискурса. В рамках дискурса общественный институт как особая культурная система может исчезать и переходить в смежные виды. При общении в среде институционального дискурса участники общения могут не знать друг друга, но важно, чтобы они соблюдали нормы, установленные социумом. Общение базовой пары участников коммуникации является ядром дискурса (например, врач – пациент, журналист – слушатель). Помимо этого, институциональный дискурс строится по шаблону, но обладает вариативностью «трафаретов» различных типов, т.к. в режиме реального общения исходный порядок может нарушаться [Там же].

В.И. Карасик в приведённой работе говорит и о важности изучения дискурса со стороны его грамотного построения. При его составлении должен соблюдаться определённый стандарт, соответствующий типу текста. Однако, вероятны отклонения от изначального типа текста. В результате, учёные, придерживающиеся имманентно-лингвистического подхода к дискурсу, подразделяются на тех, кто в качестве образца правильно построенного текста принимают письменный литературный текст, в результате чего отклонения от нормы, присущие устной речи, воспринимаются как маркированное явление, и тех, кто наделяют устную и письменную речь равным статусом; при таком методе существуют отдельно текстотип устной речи и его отклонения от типа и соответствующие корреляты письменной речи. Но если рассматривать дискурс со стороны

участников общения, то он подразделяется на личностно- и статусно-ориентированный. Личностно-ориентированный дискурс проявляется в бытовых (т.е. обиходное общение) и бытийных (т.е. художественный, философский, мифологический диалоги) сферах общения. В свою очередь, статусно-ориентированный дискурс может носить как институциональный, так и неинституциональный характер. Он зависит от типа общественных институтов, функционируемых в обществе в определённый исторический период. Для современного общества релевантными являются политический, научный, религиозный, военный и другие типы институционального дискурса. Также для статусно-ориентированного дискурса характерно общение незнакомых или малознакомых людей (например, обращение журналиста к своим читателям через текст) [Там же].

Погружаясь в изучение представлений о дискурсе в современной отечественной науке, мы дополнительно обращаемся к работам М.Л. Макарова. Учёный определяет категорию дискурса как одну из основных в коммуникативной лингвистике, а также и в сфере социальных наук. Так же, как и другие лингвисты-исследователи, он соглашается, что дискурс – неоднозначное понятие и имеет несколько научных интерпретаций. Стоит добавить, что дискурс обладает рядом своих структурных единиц, таких как акт, ход, речевое событие и т.д. М.Л. Макаров подчёркивает: «само определение такой категории, как «дискурс», уже предполагает некоторую идеологическую ориентацию, собственную точку зрения на изучение языка и языкового общения» [Макаров, 2003: 56]. В своей работе М.Л. Макаров говорит о том, что дискурс имеет свою структуру, которая качественно отличается от структуры лингвистических единиц разных уровней. Кроме того, для дискурса характерными являются когеренция и метакоммуникативная самоорганизация [Там же].

М.Л. Макаров рассматривает трактование дискурса через три основные координаты: формальную, функциональную и ситуативную интерпретации. В рамках формальной интерпретации дискурс будет пониматься как «язык

выше уровня предложения или словосочетания» [Там же: 56]. Дискурс в таком случае представляется как сверхфразовое единство, объединённое общей смысловой связью. Он трактуется как сложное синтаксическое целое, которое может предстать как абзац или ряд речевых реплик. Функциональный подход предполагает более обширное понимание дискурса, то есть общее использование языка во всех его разновидностях и в широком контексте. Ситуативная интерпретация дискурса является полем прагматического исследования. При этом методе учитываются те или иные обстоятельства общения, детерминированные психологическими, культурными и социальными условиями. Так, благодаря разнообразию методов, при помощи которых можно исследовать разные стороны проявления языка, учёные-лингвисты обращались к дискурсу, осуществляя анализ диалогов, исследуя и разрабатывая теорию речевых актов и других языковых аспектов [Там же].

В своей диссертации лингвист А.А. Кибрик предлагает следующее определение дискурса: «это речь, процесс языковой деятельности; способ говорения» [Кибрик, 2003: 10]. Ключевыми аспектами для точного определения данного понятия учёный называет динамический процесс и результат языковой деятельности. Он также отмечает, что в рамках современной лингвистики понятие «дискурс» зачастую является сходным понятиям «текст» и «диалог». Однако лингвист подчёркивает, что главным отличием «дискурса» от «текста» является динамически развивающийся характер языкового общения первого, т.е. для него не типична статичность текста. Также следует отметить, что родственность понятий «дискурс» и «диалог» объясняется наличием в рамках дискурса двух основообразующих ролей – адресат и адресант –, что характерно для любого коммуникативного акта. Дискурс также может рассматриваться в двух перспективах, – со стороны адресанта и со стороны адресата – так как в нём происходит непосредственно противопоставление данных образов. А.А. Кибрик

подчёркивает высокую значимость дискурса в лингвистике. Дискурс – максимальная языковая единица [Там же].

В.З. Демьянков называет дискурсом «текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора» [Демьянков, 2003: 116]. Дискурс в его представлении базируется на некоем концепте, который учёный называет «топиком дискурса». На таком концепте и держится содержание дискурса. В рамках дискурса интерпретатор объединяет компоненты дискурса – т.е. его пропозиции – в единое значение. Таким образом, новообразованную информацию следует поместить в рамки уже полученной промежуточной, или предварительной интерпретации. В результате такого процесса, как объясняет В.З. Демьянков, определяется коммуникативная цель каждой составляющей дискурса и, как итог, устраняется референтная неоднозначность. Дискурс представляется как некий «мир» интерпретатора, в который он заложил конкретный смысл, характеристику объектов, личностей, обстоятельств событий, а также включает в себя его оценочное суждение. Такая расстановка концепций помогает субъекту коммуникации (например, в политической сфере) не просто «внедрить» в сознание адресата новый концепт, но и грамотно «поместить» его в человеческое сознание.

Е.С. Кубрякова предлагает, по её словам, простое значение термина. Под дискурсом она подразумевает «разговорную практику, речь и "использование языка"» [Кубрякова, 2000: 6]. Она также отмечает некоторую особенность дискурса, которая играет важную роль в формировании представления и данном понятии. Так, Е.С. Кубрякова отмечает, что невозможно изучать синтаксис и грамматику, не обращаясь к дискурсу. Кроме того, такая связь побуждает исследователей погружаться в изучение данного явления, разбираться в коммуникативных связях. Это является одной из основных причин, почему исследование дискурса стремительно развивалось: в ходе исследований учёные приходили к выводу, что язык напрямую зависит от своей коммуникативной функции, поэтому различные

виды осуществления коммуникации – дискурс в том числе – начали получать широкое распространение [Там же].

Под дискурсом в нашей работе мы, вслед за Н.Д. Арутюновой, будем понимать «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, взятый в понятийном аспекте; речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах); речь, "погруженную в жизнь"» [Арутюнова, 2009: 136].

Данное определение является актуальным для нашей работы, т.к. на этапе практического исследования нам важно учитывать дискурс как поле для оказания воздействия на одну из сторон коммуникации. Помимо этого, при выборе путей воздействия на оппонента, адресант будет учитывать ключевые особенности пресуппозиции реципиента, поэтому нам важно включить в интересы своего исследования учёт данного фактора, когда мы рассматриваем дискурсивное поле с точки зрения адресата.

1.2. Политический дискурс как объект изучения языкознания

1.2.1. Политический дискурс: содержание и специфика

Если мы говорим о повышенном внимании лингвистов к изучению дискурса, следует упомянуть и о том, что к познанию дискурса подходят не только как к явлению языка в целом, но и в том числе занимаются изучением его разделов. Тип дискурса определяется в зависимости от той области знаний или сферы жизни, в которой работает учёный. Например, это может быть социальный, рекламный, психологический, политический дискурс и др. В нашей работе мы обращаемся к области политического дискурса и изучаем его характеристики, а также реализацию коммуникативных тактик.

Политический дискурс – междисциплинарная наука. Это обуславливается не только тем, что её изучением занимаются учёные из

всевозможных сфер (лингвисты, политологи, философы, социологи и т.д.), но и тем фактом, что, согласно выводам многих исследователей, «политическое мышление, политическое действие и языковая форма находятся в тесном единстве» [Гаврилова, 2002: 88].

Как самостоятельное явление политическая лингвистика сложилась во второй половине XX века. Однако, изначально публикации на тему политической коммуникации были сугубо восхваляющего (описание способов, как преуспеть в ораторском искусстве и публичных выступлениях) и дискредитирующего (описание риторического мастерства конкретных политиков, а также осуждение коммуникативных тактик политических лидеров) характера. Так было до появления лингвистики текста [Чудинов, 2006].

На современном этапе политическая лингвистика является полностью самостоятельным направлением. Она обладает своими характерными особенностями, подходами, методами, сложившимися в ходе истории чертами и традициями. Кроме того, внимание общественности прочно приковано к происходящим событиям на политической арене, так что можно прийти к заключению, что данная дисциплина имеет высокую значимость наравне с другими составляющими компонентами лингвистики.

Э.В. Будаев выделяет четыре основных автономных направления политической лингвистики: критический анализ; контент-анализ; риторический анализ; когнитивное исследование политического дискурса [Будаев, 2011].

Сам политический дискурс входит непосредственно в социальное поле, а, следовательно, он занимает важное место в общественной среде. Одной из его определяющих черт является намерение убедить адресатов в правильности тех или иных оценок и мнений, побудить к действию. Для претворения данной цели в жизнь адресант – то есть, чаще всего, политик – должен оперировать своей речью так, чтобы попасть в картину мира получателя сообщения и затронуть необходимые «точки» в его сознании.

Важно привести убедительные доводы и заверить получателя информации в том, что агитируемые адресантом суждения попадают в поле интересов реципиента и важны для него. Так, обладая спецификой направленности на внушение, политический дискурс целится на модификацию сформировавшихся мнений интерпретатора и закладывает мотивировку его действий [Демьянков, 2002].

В статье В.З. Демьянкова автор говорит о двух типах восприятия адресатами убеждения: пассивное восприятие, активное участие и сопротивление внушению. В ситуации пассивного восприятия реципиенты ожидают, что степень интенсивности внушения со стороны отправителя не будет превышать норму.

Особенность политического дискурса состоит в том, что он может рассматриваться как минимум с четырёх сторон: 1) политологическая (помогает сделать выводы политологического характера); 2) чисто филологическая (также, как и любой другой текст, но исследователь при этом в дополнение смотрит на фон – политические и идеологические концепции интерпретаторов сообщения); 3) социопсихолингвистическая (при измерении эффективности для достижения скрытых или явных политических целей говорящего); 4) индивидуально-герменевтическая (при выявлении личностных смыслов автора или интерпретатора дискурса в определенных обстоятельствах) [Демьянков, 2003].

Придерживаясь такой точки зрения, можно сделать вывод, что политический дискурс, безусловно, многосложен, т.к. включает в себе пересечение ряда научных дисциплин.

В случае, если исследователь в ходе интерпретации политического дискурса ограничивается только языковым уровнем дискурса, суть и цель политического дискурса во внимание не берутся. Поэтому мы приходим к выводу, что политический дискурс – как и любой другой – предполагает знание пресуппозиции, ожиданий адресанта и адресата, мотивов, сюжетных схем и логических переходов [Демьянков, 2002].

Многие отечественные лингвисты занимались тщательным изучением дискурса, помещённого в поле политики. Так, О.Н. Паршина в своём исследовании предлагает следующее определение понятия: «это речевая деятельность политических субъектов в сфере институциональной коммуникации. Коммуникативными особенностями политического дискурса являются институциональность, конвенциональность и публичность (официальность)» [Паршина, 2005: 13].

Политическому дискурсу приписывают ряд характерных особенностей, которые отличают его как отдельную научную дисциплину. Так, он отражает борьбу за власть, отличается необходимостью воздействия на оппонента, но также характерен выраженной агональностью и находится в состоянии конфликта [Гудков, 2003].

Коммуниканты вступают в общение в политическом дискурсе, мотивируемые какой-то конкретной целью. В виду того, что ключевым условием данного дискурса является наличие власти и активная борьба за неё. Итак, борьба за власть выступает главной определяющей целью политического дискурса.

Однако, можно также выделить дополнительные цели: это стимулирование, побуждение и информирование (помогает формировать у реципиентов понимание действительности адресанта) [Михалёва, 2009].

В рамках нашей работы мы понимаем политический дискурс, вслед за Е.И. Шейгал, как «знаковое образование, имеющее два измерения – реальное и виртуальное, при этом в реальном измерении он понимается как текст в конкретной ситуации политического общения, а его виртуальное измерение включает вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний, а также модели типичных речевых действий и представление о типичных жанрах общения в данной сфере» [Шейгал, 2000а: 7].

В соответствии с представленной работой также важно отметить, что в современном мире важную роль в существовании политического дискурса

играют СМИ и масс-медиа. Данные структуры являются ведущими в осуществлении политических коммуникаций, и поэтому можно говорить о том, что сейчас политический дискурс тесно связан с дискурсом масс-медиа [Там же].

Масс-медийные средства обладают фактором массовости. Они преобразуют текст или сообщение любого типа дискурса особого вида. Он сохраняет все конститутивные элементы и одновременно приобретает новые, свойственные именно для масс-медиа [Сычева, 2011].

Е.И. Шейгал выделяет следующие функции политического дискурса:

- 1) интеграция и дифференциация групповых агентов политики;
- 2) агональность и гармонизация отношений участников политического процесса;
- 3) акциональная функция;
- 4) функция интерпретации (создание «языковой реальности»);
- 5) контролирующая и регулятивная функции (манипуляция сознанием и контроль действий) [Там же].

Важно подчеркнуть, что на настоящем этапе развития для политического дискурса характерны негативные, даже агрессивные, высказывания. Это можно объяснить тем, что участники коммуникации, помещённые в поле данного типа дискурса, склонны упорно отстаивать свою позицию, т.к. в последствие подобранные ими те или иные речевые акты повлияют на то, как реципиент воспринял информацию и какие изменения она произвела на его картину мира.

Е.И. Шейгал, например, пишет так: агрессивные реплики в политическом дискурсе заключаются в «нацеленности на ниспровержение оппонента, понижение его политического статуса» [Шейгал; цит. по Карякин, 2009: 165].

Итак, политический дискурс объединяет две стороны коммуникации: адресанта и адресата. Он подразумевает высокий уровень воздействия отправителя сообщения на реципиента, с целью достижения некоторой цели. В контексте данного типа дискурса ключевыми целями для совершения коммуникации являются: оказать значимое влияние на восприятие

реципиентом «противника», воздействовать на его сознание, поспособствовать его представлениям о той или иной ситуации и т.д.

1.2.2. Политический дискурс как компонент институционального дискурса

Некоторые лингвисты рассматривают политический дискурс как составную часть институционального дискурса («институциональность» подразумевает понимание о функциях дискурса).

О.Н. Паршина говорит о следующих возможных функциях политического дискурса: контролирующая (манипуляция сознанием, мотивирование к действию); интерпретационная (создание «языковой реальности» поля политики); социальная идентификация (дифференциация и интеграция групповых агентов); агональная [Паршина, 2005].

Важно отметить, что ведущими для политического дискурса является регулятивная функция и использование её в качестве инструмента политической власти. Она отражает борьбу за власть, а также её осуществление и сохранение. Поэтому коммуникативные действия, осуществляемые в рамках данного дискурса, базируются на стремлении воздействовать на интеллектуальное, волевое и эмоциональное поля реципиента [Там же].

Как было сказано ранее, к одной из основных функций также можно причислить агональную функцию. Необходимо подчеркнуть, что в речи политиков она реализуется, прежде всего, через стратегию дискредитации. Для неё характерно противопоставление концепта «свой – чужой». Данная стратегия нацелена подорвать авторитет «чужого», унижить, создать у реципиентов негативный фон по отношению к объекту дискредитации.

Относя политический дискурс к категории институционального вида общения, Е.И. Шейгал определяет институциональный дискурс как «дискурс, осуществляемый в общественных институтах, общение в которых является

составной частью их организации» [Шейгал, 2000б: 59]. Так, к социальному институту относятся такие компоненты политической сферы, которые поддерживают власть (правительство, парламент и т.д.) [Там же].

К основным критериям институционального дискурса причисляют набор основных речевых событий, представление о типичных моделях речевого поведения, ограниченную тематику общения, специфику набора интенций и последующих речевых стратегий. Кроме того, институциональное общение статусно-ориентированно: в рамках дискурса участвуют две стороны – адресант и реципиенты. Более того, в отличие от большинства других видов институционального дискурса, в политическом в роли адресанта чаще всего выступает массовый, собирательный образ, а также характерно преобладание субъектно-адресатного вектора общения [Там же: 60 – 61].

Необходимо отметить, что В.И. Карасик тоже относил политический дискурс к институциональному дискурсу. Давая определение институциональному дискурсу, он трактует его как «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга лично, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик, 2002: 195]. По В.И. Карасику, институциональный дискурс строится по некоему шаблону, который при этом имеет разные базы типов и жанров [Там же].

Понять, что такое «институциональный дискурс» и «институт» представляется возможным через социолингвистику, которая изучает язык и его существование в социальной среде. Общество и язык неразрывно связаны друг с другом и неизбежно оказывают взаимное влияние. Так, общественные институты обхватывают группы людей, объединённых общей сферой деятельности, установками, задачами. В институтах устанавливаются определённые принципы взаимоотношений и способы воздействия. Язык не только отражает в себе данные факторы, но и является инструментом реализации коммуникативных ходов.

Итак, с точки зрения социолингвистики В.И. Карасик определяет дискурс как «общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» [Карасик, 2002: 194]. На современном этапе в социуме можно выделить множество институтов (например, политический, военный, религиозный, рекламный, научный, педагогический и т.д.) и список этот может постоянно пополняться или видоизменяться. Кроме того, тот или иной институт может исчезнуть или перейти в смежный дискурс под влиянием исторических событий [Там же].

Институциональный дискурс характеризуется рядом особенностей, выделяющих его в научном обиходе: статусно-ролевые характеристики коммуникантов, цель общения, прототипное место общения, клишированность, наличие норм, градуальный характер, наличие концептов и типичных пар-коммуникантов (например, депутат – массовый слушатель).

Говоря о политическом дискурсе, рассматривая его как общественный институт он пересекается и с другими. Так, в качестве наиболее частых учёный приводит педагогический (формирует формальное и неформальное политическое воспитание через государственные учреждения и при повседневных контактах), юридический (государственное законодательство), реклама как способ влияния и регулирования отношения массы к конкретной проблематике, формирование ценностей, дискурсы [Там же].

Таким образом, политический дискурс, как один из ведущих институтов в современном мире, характеризуется ориентированностью на массовость и постоянную активную коммуникацию внутри системы. Само институциональное общение не имеет чётких границ, один институт может легко взаимодействовать с другим, влиять на него и сам оказываться под влиянием, меняются жанры, активно появляются новые структуры. Данное явление можно охарактеризовать как сложное и бурно развивающееся, подверженное влиянию извне, отражает взаимоотношения в социуме.

Что касается политического дискурса, его коммуниканты, вступая во

взаимодействие со смежными институциональными группами, могут усиливать своё влияние и авторитет, а значит быстрее и эффективнее добиваться поставленных целей и задач через те или иные коммуникативные ходы и тактики.

1.3. Коммуникативные стратегии и тактики как приём воздействия в языковом поле политического дискурса

1.3.1 К определению коммуникативной стратегии и коммуникативной тактики

Политическую сферу можно назвать одним из наиболее активных общественных институтов. На политической арене зачастую происходят столкновения интересов, межличностные и межгрупповые конфликты, дебаты, обращение в массы. Борьба за власть, отстаивание интересов, расхождение во взглядах на ту или иную проблему, актуальную в настоящее время, и возможные методы её решения, оперирование фактами с целью дискредитации оппонента – все эти феномены являются ключевыми для формирования целостной картины о том, что представляет собой политический дискурс в частности.

Политический дискурс характеризуется тем, что одной из ведущих проблем является исследование механизмов воздействия адресата на массового (а также группового или индивидуального) реципиента, который, в свою очередь, находится на нейтральной позиции между конфликтующими сторонами. Важно отметить, что участники конфликта имеют свои конкретные интересы и чёткую позицию, которые они отстаивают. Таким образом, процесс реализации механизмов воздействия реализуется именно посредством выбранных стратегий. Кроме того, Г.Б. Гудков также говорит о значимости процесса борьбы за власть в области политического дискурса, что дополнительно «определяет особенности коммуникативных действий в рамках политического дискурса. В основе коммуникативных актов политического дискурса – стремление воздействовать на собеседника, этим

определяется их эксплицированная или имплицитная суггестивность, явно доминирующая над информативностью» [Хабекирова, 2011; Гудков, 2003].

Адресант должен построить своё сообщение таким образом, чтобы оно оказало эффект на реципиентов, затронуло их картину мира, а также сформировало в их сознании оценку относительно объекта дискредитации. Для реализации коммуникативных целей продуценты прибегают к использованию коммуникативных стратегий и тактик. Выбор адресантом определённой стратегии, исходя из чего он также впоследствии будет оперировать конкретной тактикой, зависит от характеристики текущей коммуникации, персональных намерений коммуниканта сообщения и того, какого результата он рассчитывает достичь.

Термины «стратегия» и «тактика» берут своё начало из военного дискурса. Изначально под стратегией люди понимали некий план воина-полководца, составленный в общих чертах, основной ценностью которого являлась направленность на достижение конечной цели. При этом военный лидер рассчитывает грамотно распределение имеющихся ресурсов, таких как время, территория, численность армии, провизия и т.д. Тем временем, тактиками в рамках данного дискурса понимаются промежуточные шаги, которые в конечном итоге должны привести стратегический замысел в исполнение. На основании данных представлений о трактовке вышеупомянутых понятий можно сделать вывод, что стратегия – более широкое понятие, которая охватывает ряд тактик.

Некоторые исследователи политической коммуникации проявляют особое внимание к изучению таких явлений, как «коммуникативная стратегия и «коммуникативная тактика» в силу того, что посредством данных приёмов участники конфликта реализуют подбор языковых средств, – что особенно можно проследить на материале газетных и журнальных изданий – тем самым оказывая влияние на широкую публику. Из этого следует, что «коммуникативные стратегии и тактики говорящих, то есть их целенаправленная деятельность на массовую аудиторию [в том числе

стратегия дискредитации как, по мнению автора, одна из наиболее частотных в политическом газетном дискурсе], позволяющие адресанту ярко, активно и конкретно воздействовать на политические взгляды адресата, изменив его отношение к тем или иным событиям, личностям, явлениям» можно назвать приоритетными для исследователей в рамках изучения данной проблемы [Соломатина, 2014: 2].

Одним из ведущих учёных, давшим определение данным понятиям, является О.С. Иссерс. В своей научной работе профессор-лингвист предлагает понимать коммуникативную стратегию как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс, 2008: 55]. Стоит отметить, что, осуществляя выбор той или иной стратегии, адресант учитывает такие критерии, как эффективность набора языковых намерений, а также будет ли последующая цепочка задач иметь вес и влияние на адресата. В рамках термина «стратегия» такие задачи будут называться «тактиками». Коммуникативная тактика – это «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [Там же: 110].

Устанавливая в рамках речевого общения определённую стратегическую цель, участник коммуникации, так или иначе, намеревается осуществить некое коммуникативное воздействие. Таким образом, нельзя не обратиться к определению «речевого воздействия», без которого невозможно представить коммуникацию. О.С. Иссерс трактует данный термин как «речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности» [Там же: 21]. Посредством речевого воздействия адресант может оказать влияние на реципиента, т.е. субъект данного феномена может воздействовать на представления о мире адресата, побудить начать, закончить свою деятельность или поменять её направленность.

Важно подчеркнуть, что Л.Л. Фёдорова, специалист в сфере ряда лингвистических направлений, предлагает общую классификацию типов воздействия: социальное (клятвы, приветствия); волеизъявление (приказы,

советы, просьбы); разъяснение, информирование (объяснение, доклад); оценочное и эмоциональное (осуждение, похвала) [Федорова, 1991].

В свою очередь, американский лингвист Р. Лакофф говорит о том, что в условиях воздействия в процессе коммуникации можно классифицировать разные типы дискурса. Исходя из этой установки, Р. Лакофф выделяет «обычный разговор» и «персуазивный дискурс». Хотя и, как отмечает сама лингвист, невозможно с абсолютной уверенностью подвергать типы дискурса строгому делению, она подчёркивает, что функция убеждения позволяет довольно точно выделить некоторые его типы, в частности, например, в области дискурса политического (политическая риторика) [Lakoff, 1982].

Следует также отметить, что О.С. Иссерс говорит о том, что такой фактор, как положительный эмоциональный фон, лежит в основе того, каким будет результат речевой коммуникации. Такой приём наиболее уместен при неформальных разговорах. Говоря в ходе коммуникации на отвлечённые, приятные темы, адресант создаёт благоприятную среду, которая может повлиять на положительный исход и достижение поставленной речевой стратегии.

К вопросу о коммуникативном воздействии, О.С. Иссерс также пишет, что в узком смысле это стоит понимать как «то, которое обычно используется в сфере так называемых координативных отношений, когда коммуникантов связывают отношения равноправного сотрудничества, а не отношения субординации (формальные и неформальные)» [Иссерс, 2008: 23]. Такая трактовка предполагает, что адресант сообщения оказывает влияние на конечное мнение и восприятие изначально непредвзятого объекта коммуникации в соответствии со своими намерениями. Такое проявление отношений адресант-адресат наиболее характерно, в частности, и для политического дискурса: СМИ, агитационных и других публичных выступлений.

Как было сказано ранее, для достижения коммуникативной цели субъект выбирает стратегию, реализовать которую можно посредством различных тактик. Р. Блакар в своём исследовании языка как социальной власти акцентирует внимание на том, что на получателя информации воздействуют подобранные «отправителем» сообщения выражения. Более того, по его мнению, нейтральной лексики как таковой не существует, т.к. всякое использование языка предполагает воздействие также и на самого говорящего, формируя его позицию [Блакар, 1987].

О.Н. Паршина в своих исследованиях также описывает теорию стратегий и тактик. Она отмечает, что «стратегия» не обладает общепринятой интерпретацией, поэтому, чтобы выявить актуальную для той или иной области знания (в отношении данной работы, в области языкознания) дефиницию, важно учитывать цель коммуникативного намерения и особенности ситуации [Паршина, 2005].

Таким образом, в своей диссертации она предлагает следующее определение: стратегия – это «определенная направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации» [Там же: 19].

Как инструмент речевого воздействия стратегии важно рассматривать через анализ тактик. То есть, так как тактики являются продуктом стратегии, необходимо, прежде всего, провести анализ составляющей части, – аспектных феноменов, т.е. тактик – чтобы рассмотреть выявленную стратегию как целое. «Стратегия – это искусство планирования, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах. А тактика – это использование приемов, способов достижения какой-либо цели, линия поведения кого-либо» [Там же: 21].

Итак, коммуникативные стратегии и тактики выступают как средство речевого воздействия в дискурсе. Стратегия речевого поведения главенствует над процессом построения коммуникации в соответствии с ожидаемыми результатами. Стратегия включает в себя планирование речевой

коммуникации в зависимости от условий среды общения, направленности, характерных особенностей аудитории, а также и реализацию этого плана. Таким образом, стратегия выступает как своего рода гипотеза – успех или провал коммуникации невозможно с точностью предугадать.

Выбор коммуникативных тактик определяется следующими факторами: отправитель информации должен располагать представлением о предполагаемых реципиентах сообщения, располагать знаниями о когнитивной пресуппозиции коммуникантов и подстраиваться под заданные интенции. Лингвистические средства идут бок о бок с аспектами социального знания. В знания о пресуппозиции должны входить понятия о ценностях и нормах реципиентов, установки и условности членов коммуникации. Таким образом, построение текста обуславливается выбором языковых единиц разных уровней и способов их организации. Случается, что когнитивные намерения могут быть скрыты, и лишь иногда выражаться эксплицитно во избежание скрытых смыслов. Вследствие этого может возникать нежелательная интерпретация. В таком случае коммуникативная тактика должна быть явной для корректного восприятия.

Таким образом, «стратегия представляет собой когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнера» [Иссерс, 2008: 100]. А тактики, в свою очередь, являются инструментом, посредством которого одна из сторон коммуникации намерена добиться поставленной стратегии.

1.3.2. Понятийный аспект тактик обвинения, оскорбления и издёвки в качестве реализации стратегии дискредитации

Стратегия определяет семантический, стилистический и прагматический выбор объекта коммуникации. О.С. Иссерс классифицирует их как «основные» и «вспомогательные». К основным она относит те,

которые являются наиболее значимыми в данной конкретной коммуникации, а вспомогательными она называет прагматические, диалоговые и риторические типы стратегий.

На настоящий момент политическому дискурсу наиболее присущи такие стратегии, как, например, самопрезентации и дискредитации. В рамках данной работы нами будет рассматриваться стратегия дискредитации и составляющие её тактики: обвинения, оскорбления и издёвки. Понятие «дискредитировать» мы интерпретируем, вслед за С.И. Ожеговым: дискредитировать – значит подрывать доверие к кому- или чему-либо, умалять авторитет [Ожегов, Шведова, 2017].

Стратегии дискредитации присущи определённые черты и особенности, которые отличают её от других коммуникативных стратегий и, к тому же, формируют образ отправителя сообщения и позволяют сформировать первичные представления о задачах, которые он вероятнее всего, нацелен достичь в ходе реализации тактик. Как уже было отмечено нами ранее, для дискредитирования позиций конфликтующей стороны коммуникант имеет тенденцию преувеличивать и искажать факты. В следствие такого подхода нарушаются максимы качества (искажение фактов) и количества (намеренное привирание информации или, наоборот, опускание некоторых истин) [Федорова и др., 2016].

В области политики термин «дискредитация» также можно трактовать как «один из приемов недобросовестной конкуренции, заключающийся в совершении преднамеренных действий, целью которых является подрыв доверия к конкуренту, умаление его авторитета и разрушение имиджа» [Балахонская, 2014: 82]. Также стоит отметить, что некоторые адресанты сообщения, представляющие одну из сторон конфликта, имеют тенденцию дискредитировать оппонента за счёт намеренной гиперболизации недостатков [Там же].

Проводя исследование практического материала для выявления реализации стратегии дискредитации, мы будем опираться на работы Оксаны

Сергеевны Иссерс в качестве заглавного теоретического базиса. Так, в монографии о коммуникативных стратегиях и тактиках она отмечает, что стратегия дискредитации является широко распространённой в контексте политического дискурса. Кроме того, к характеристикам политического института, которые являются значимыми для формирования полного представления о явлении политического дискурса, И.С. Иссерс относит: положительную самопрезентацию адресанта (например, лидера или партии), побуждение получателей сообщения к каким-либо действиям, применение оппозиции «свой» и «чужой» [Иссерс, 2008].

В нашей работе приоритетными дефинициями «стратегий» и «тактик» являются определения О.С. Иссерс. Она подчёркивает, что тактики отвечают модели мира конкретного адресата, его внутренним оценкам и принципам. Однако, выбор коммуникативных тактик направлен на то, чтобы оказать влияние на представления и установки реципиента и подстроить их согласно своим стратегическим намерениям. Коммуникативные тактики мотивированы когнитивными замыслами адресанта [Иссерс, 2008].

В рамках политического дискурса, который является базой исследования в данной работе, одной из основных является тактика обвинения. Она является составляющей стратегии дискредитации, и применяется для того, чтобы заставить адресатов усомниться в положительных качествах или правильности кого- или чего-либо. Однако обвинение не предполагает намерение унижить или выставить на посмешище. Обвинение – упрёки, укоры; несправедливое обвинение во лжи, неискренности; признание виновным, приписывание вины [Ожегов, Шведова, 2017].

Тактики оскорбления и издёвки довольно схожи друг с другом. По сравнению с обвинением, они выражаются более негативными средствами, такие тактики сложнее опровергнуть. Они направлены на резкий подрыв авторитета своего оппонента, вероятнее всего вызовут бурную реакцию у массового коммуниканта. Тем не менее, следует выделить семантические

границы данных явлений. Так, оскорбить – значит своим действием тяжело задеть или обидеть кого-то, опустить чьи-то чувства. Под «издевательством» мы будем понимать акт злого высмеивания кого- или чего-либо [Ожегов, Шведова, 2017, 2019].

Политическая борьба предполагает использование того или иного речевого «оружия». Однако, важно знать допустимые пределы, чтобы коммуникация не превратилась в шумную перепалку. Так существуют дозволенные и недозволенные приёмы. Использование грубо-оценочной лексики, навешивание «ярлыков», исходя лишь из своего первого впечатления, противоречат порядкам правильной полемики. Так что особенно важно следить за качеством реализуемых тактик, т.к. они могут сработать в обратную сторону, что негативно скажется на статусе адресанта [Иссерс, 1997б].

Наличие коммуникативных тактик производится в ходе анализа и может быть выражено лингвистическими средствами языка. Так, тактики могут быть обнаружены на уровне семантики (обозначение участников коммуникации, отношения между ними), лексики (стратегический замысел выбора слов), грамматики. Успех стратегии принято оценивать по перлокутивным эффектам.

В свою очередь, О.Н. Паршина в работе о стратегиях и тактиках в политическом дискурсивном поле отмечает, что политический дискурс подразумевает частое применение воздействующей функции языка, что определяет стремление оказать воздействие на сферы восприятия адресата, его представления о мире (например, эмоциональную, интеллектуальную сферы). А через речевые стратегии данная функция реализуется адресантом [Паршина, 2005].

Что касается стратегии дискредитации, одной из неизменных её составляющих является категория чуждости. То есть, в рамках политического дискурса субъект коммуникации склонен разделять мир на «своих» и «чужих», формируя, таким образом, у реципиентов контрастное

понимание о двух сторонах конфликта, что также оказывает существенное влияние на успешность стратегических ходов. Согласно проведённым исследованиям О.Н. Паршиной, именно тактика обвинения является одной из ведущих на поле политического дискурса.

Опираясь на проведённые ею исследования, можно сделать вывод о наиболее часто встречающихся речевых приёмах, ведущих к успешному осуществлению обвинительной тактики. Так, это могут быть метафорические модели с негативной оценкой; особенности синтаксической организации текста; обилие лексических единиц с обвинительной семантикой.

Таким образом, как уже было сказано ранее, для того, что определить тактику, которая будет эффективна для достижения иллокутивного акта, необходимо понимать особенности второй стороны коммуникации, чтобы простроить соответствующие тактические шаги. Даже в случае, если субъект избрал наиболее удачную стратегию, но коммуникативная тактика не возымеет должного эффекта, задача речевого акта будет не выполнена.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

За свою историю дискурс находился в фокусе исследований учёных различных отраслей знаний. Его изучением занимались философы, литературоведы, социологи и многие другие специалисты, в результате чего «дискурс» приобрёл широкий спектр значений. В современной лингвистике термин «дискурс» также имеет множество трактовок и интерпретаций. Учёными он рассматривается как объект и письменной, и устной речи. Особое распространение понятие получило во второй половине XX века, и на настоящий момент занимает особое место в научных работах российских и зарубежных исследователей.

В рамках данной работы мы придерживаемся определения, данного Н.Д. Арутюновой и вслед за ней понимает дискурс как связный текст в совокупности с рядом факторов (прагматические, психологические, экстралингвистические и т.д.) [Арутюнова, 2009].

Политический дискурс является компонентом дискурса как явления в целом. Политический дискурс, как определяет его Е.И. Шейгал, это «знаковое образование, имеющее реальное и виртуальное измерения, где в реальном он понимается как текст в конкретной ситуации политического общения, в то время как виртуальное объединяет вербальные и невербальные знаки, ориентированные на сферы политической коммуникации, модели типичных речевых действий и представление о типичных жанрах» [Шейгал, 2000а: 9]. Политический дискурс, рассматриваемый как компонент институционального дискурса, является частью общественного института. Данный критерий определяет набор основных критериев, которым поддается политический дискурс, т.е. фиксированные модели речевого поведения, критерии поведения, а также обязательное наличие двух сторон коммуникации – адресант (который влияет на картину мира) и адресат (тот, кто принимает сообщения и поддается влиянию отправителя).

В настоящее время политическая сфера играет большую роль в жизни общества. При этом важно учитывать не только внешнюю политику государства, но и внутреннюю. Выступая на международной арене, государства – а точнее их представители – совершают межкультурную коммуникацию, но не всегда успешно. В рамках политического дискурса одной из основных целей адресанта является оказать влияние на общественное когнитивное сознание. При этом отправителю сообщения для совершения успешной политической стратегии необходимо учитывать различные факторы, такие, как общая пресуппозиция, т.е. иметь представление о ценностях, нормах, установках реципиентов.

Для успешного осуществления стратегии адресант выводит ряд коммуникативных тактик. В политическом дискурсе одной из наиболее ярких является стратегия дискредитации. В данной работе в фокусе исследования оказываются тактики обвинения, оскорбления и издёвки. Они направлены на подрыв авторитета оппонента и понижение его важности в глазах массового реципиента.

ГЛАВА 2. РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ДИСКРЕДИТАЦИИ В НЕМЕЦКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

2.1 Языковые средства реализации стратегии дискредитации в немецком политическом дискурсе

2.1.1 Реализация тактики обвинения в немецком политическом дискурсе

Исследуемые нами в рамках данной работы тактики характеризуются конкретными особенностями, которые и позволяют нам определить их проявление в коммуникации.

Так как сама стратегия дискредитации направлена на снижение авторитета оппонента конфликта, данные три тактики можно также отнести к стратегии «игры на понижение» (терминология по Ч. Ларсону). Итак, рассмотрим данные явления более подробно.

Тактика обвинения отлична от тактик оскорбления и издёвки. Она менее резкая, а также не предполагает форму унижения.

В ходе исследования статей печатных изданий Германии нами было выявлено, что основными языковыми средствами реализации тактики обвинения в немецком политическом дискурсе являются:

1. Имена существительные и глаголы с семантикой обвинения (die Anklage, die Schuld, die Täterschaft, der Vorwurf, die Verurteilung; anklagen, beschuldigen, verurteilen, verdächtigen, vorwerfen, eine Mitschuld geben)

- *Präsident Wladimir Putin weist die **Vorwürfe** der Vertragsverletzung zurück und **unterstellt** der amerikanischen Regierung, die **Vorwürfe** nur als Vorwand für ein eigenes Rüstungsprogramm zu nutzen* (Frankfurter Allgemeine Zeitung. 04.01.2019).

В данной статье автор пересказывает инцидент, связанный с ядерными ракетами России. Представители правительства США призывают утилизировать существующие ракеты. Йенс Столтенберг, генеральный

секретарь НАТО, заявил, что таким образом Россия нарушает договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, заключённый между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами. В свою очередь, В.В. Путин опровергает эти *обвинения (Vorwürfe)* и, наоборот, переносит их на правительство США, заявляя, что они оперируют данными обвинениями в качестве предлога для собственной программы перевооружения.

Der Vorwurf (plural: Vorwürfe) – «Äußerung, mit der jemandem etwas vorgeworfen, jemandes Handeln, Verhalten gerügt wird» (обвинение (им. сущ.) – высказывание, которым кого-то упрекают, чьё-либо поведение, делают выговор) [Duden, 2019: URL].

Unterstellen – «beschuldigen, anschuldigen» (приписывать кому-либо что-либо (гл.) – обвинять) [Duden, 2019: URL].

- *US-Sonderermittler Robert Mueller hat 13 Russen wegen des Versuchs **angeklagt**, die Präsidentschaftswahl 2016 in den Vereinigten Staaten beeinflusst zu haben* (Focus. 17.02.2018).

Роберт Мюллер, директор ФБР, занимающийся расследованием дела о вмешательстве России в выборы президента США в 2016 году, обвинил («*anklagen*») 13 россиян в попытке повлиять на процесс выборов.

Anklagen – «wegen etwas beschuldigen, für etwas verantwortlich machen» (обвинять, упрекать (гл.) – обвинять в чём-либо) [Duden, 2019: URL].

- *Die Vereinigten Staaten **werfen** Russland vor, ukrainisches Gebiet mit Raketen beschossen zu haben. Das Außenministerium in Washington veröffentlichte am Sonntag vier Seiten mit Aufnahmen, die nach seinen Angaben belegen, dass russische Streitkräfte über die Grenze hinweg in der vergangenen Woche auf das ukrainische Militär feuerten* (Frankfurter Allgemeine Zeitung. 28.07.2014).

В статье «Amerikas Beweise für russischen Raketenbeschuss» речь идёт о вещественных доказательствах (фото и видео материалы), полученных правительством США и позднее опубликованных государственным

департаментом США, подтверждающие атаки со стороны России по территории Украины. Автор статьи использует глагол *vorwerfen* («упрекать, обвинять»), говоря о том, что США обвиняют Россию в ранее упомянутых бомбардировках. Данный глагол помогает эксплицитно передать обвинение со стороны одной страны другой, а глагол *belegen* («подтверждать») в следующем предложении вновь акцентирует внимание реципиента на акте обвинения.

Vorwerfen – jemandem etwas zur Last legen, jemandem die Schuld an etwas geben (упрекать кого-либо в чём-либо (гл.) – винить кого-то) [Duden, 2019: URL].

- *US-Geheimdienste beschuldigen den Kreml seit längerem, sich gezielt in den Wahlkampf eingemischt zu haben, um dem späteren Wahlsieger Trump zu helfen und seiner Konkurrentin Hillary Clinton zu schaden* (Der Spiegel. 13.03.2018).

В статье «Nato droht mit Debatte über atomare Nachrüstung» упоминается о расследовании, проводимом членами республиканской партии относительно инцидента хакерских взломов со стороны России с целью повлиять на результаты выборов. Это расследование проводилось независимо от команды Мюллера. Автор упоминает, что республиканцы не нашли доказательств правдивости данного обвинения. Однако, спецслужбы США уже долгое время обвиняют («*beschuldigen*») Кремль в подтасовке результатов, о чём и эксплицитно заявляют со слов автора статьи.

Beschuldigen – jemandem etwas zur Last legen, jemandem die Schuld an etwas geben (обвинять (гл.) – винить кого-то, оскорбить) [Duden, 2019: URL].

2. Оценочные эпитеты с отрицательной коннотацией (*agressiv, böswillig, destabilisierend, provozieren, schuldig*)

- *Die Sanktionen seien "für die destabilisierenden Aktivitäten" verhängt worden, sagte Mnuchin. Die Strafmaßnahmen gegen fünf Firmen und Organisationen sowie 19 Einzelpersonen seien eine Antwort auf*

"böswillige russische Cyberaktivitäten", darunter die versuchte Intervention bei den US-Wahlen (Der Spiegel. 15.03.2018).

В данной статье обвиняются 19 человек и 5 организаций, которые подозреваются в хакерских атаках в период выборов президента США 2016. Стивен Мнучин, министр финансов США, за счёт употребления описательных имён прилагательных с негативной оценкой «*destabilisierend*» («дестабилизирующий») и «*böswillig*» («злонамеренный») предписывает обвинения тем, кто со стороны России был замешан в упомянутом конфликте.

Destabilisierend – instabil (Gebrauch: Politik) (дестабилизированный (прил.) – нестабильный) [Duden, 2019: URL].

Böswillig – in böser Absicht; absichtlich böse (злонамеренный (прил.) – недобросовестный) [Duden, 2019: URL].

- *Diese Bemühungen seien nur deshalb erfolglos geblieben, weil Personen aus dem Umfeld des Präsidenten sich weigerten, Anweisungen auszuführen oder seinen Aufforderung zu folgen, hieß es. Die Ermittler ließen offen, ob Trump sich damit der Justizbehinderung **schuldig** machte (Stern. 29.05.2019).*

Роберт Мюллер, занимавшийся делом в отношении неправомерного сговора России и США, прокомментировал финальный отчёт. По его словам, вопрос о степени виновности Дональда Трампа в препятствии правосудию остаётся открытым. В интервью он оперирует прилагательным с семантикой обвинения *schuldig* («виновный»), тем самым обращаясь к тактике обвинения. Однако, он всё же не утверждает абсолютную вину действующего президента США («*die Ermittler ließen offen...*»).

Schuldig – (an etwas) [die] Schuld tragend, in Bezug auf jemanden, etwas Schuld auf sich geladen habend (виноватый, виновный (прил.) – быть в чём-то виновным, быть виновным по отношению к кому-то) [Duden, 2019: URL].

В ходе анализа практического материала мы выявили, что действительно тактика обвинения может также осуществляться через

применение оппозиции «свой» – «чужой», тем самым определяя границы между сторонами-противниками. Адресант может как выставить оппонента с негативной стороны, так и подчеркнуть правильность и присвоить положительную значимость стороне «своих». Таким образом, тактика реализуется:

Противопоставительными союзами (nicht...sondern)

- *Nicht Russland, sondern Amerika sei im Angriffsmodus; nicht der Westen, sondern Russland verteidige die Menschenrechte* (Die Zeit. 20.11.2014).

В статье «Putins großer Plan» авторы сообщают реципиентам о том, как, по их мнению, осуществляется внутренняя политика России, процессы массового воздействия внутри страны, а также страны-соседи. Так, в приведённом примере авторы статьи приводят то, что «граждане России слышат каждый день». Приём оппозиции позволяет разделить «своих» – Россия – и «чужих» – Америка: атаку совершает не («nicht») Россия, а («sondern») Америка; не («nicht») Америка, а («sondern») Россия защищает права человека.

Sondern – dient nach einer verneinten Aussage dem Ausdrücken, Hervorheben einer Verbesserung, Berichtigung, einer anderen, gegensätzlichen Aussage; im Gegenteil (а (союз) – после негативного высказывания следует фраза, выражающая другое противоречивое утверждение; наоборот) [Duden, 2019: URL].

- *Nein, nicht Putin, sondern die Selbstherrlichkeit des Westens hat die Ukraine-Krise befördert* (Die Zeit. 06.03.2014).

В данном контексте мы вновь наблюдаем реализацию тактики обвинения за счёт реализации игры на понижение. Здесь В.В. Путин, как глава государства, представляет страну в целом через приём метонимии. В результате адресант выставляет «противника» с негативной стороны, того, кто «поспособствовал кризису на Украине».

Обвинение может быть также реализовано на грамматическом уровне. В данной работе мы обратили внимание на морфологические и синтаксические приёмы реализации данной тактики.

При изучении статей немецкоязычных изданий было выявлено, что в большинстве текстов преобладают повествовательные предложения. Обвинение может быть выражено имплицитно в утвердительных предложениях:

- *Die Geheimdienste sind sich sicher: Russland hat sich durch Propaganda und Hackerangriffe in den US-Wahlkampf eingemischt. Dafür verhängten die USA nun Strafmaßnahmen gegen 19 Personen und fünf Organisationen* (Der Spiegel. 15.03.2018).

Спецслужбы уверены («*sind sicher*»), что Россия вмешалась в выборы, проходившие в США в 2016 году. Хотя обвинение не выражено яркими лексическими средствами, повествовательный тон предложения передаёт уверенность адресанта в своих заявлениях в сторону оппонента. Они уверены, что «Россия путём пропаганды и хакерских атак вмешалась в выборы».

Einmischen – sich (redend oder handelnd) mit etwas befassen, an etwas beteiligen, womit man eigentlich nichts zu tun hat, was einen nicht betrifft (вмешиваться (гл.) – иметь дело с чем-либо, участвовать в чём-то, к чему не имеешь отношения, что тебя не касается) [Duden, 2019: URL].

- *Trump gibt Moskau Mitschuld* (Focus. 11.04.2018).

«Трампа обвиняет Москву».

Для СМИ характерен приём использования привлекающих внимание заголовков, иногда ярких, кричащих, для того чтобы вызвать интерес у адресантов. В данном контексте автор сообщения как бы открыто утверждает акт обвинения со стороны одной из сторон конфликта (здесь США в лице Трампа).

Die Schuld geben – schuld sein (быть виновным) [Duden, 2019: URL].

- *Es sei aber Russland, das aktuell den INF-Vertrag über den Verzicht auf atomare Mittelstreckenwaffen breche* (Frankfurter Allgemeine Zeitung. 04.01.2019).

«Но именно Россия в настоящее время нарушает договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности».

Сочинительный союз *aber*, стоящий перед дополнением *Russland*, выступает усилителем выражения обвинения, а также выделяет оппонента [Россия], на которого и направлена стратегия дискредитации в целом.

Обращаясь к средствам морфологии как способу реализации тактики обвинения, данный приём может выражаться через:

1. Сослагательное наклонение (*hätte, könnte, würde*)

- *Entscheidend dafür sei gewesen, dass Bundeskanzlerin Angela Merkel (CDU), die britische Premierministerin Theresa May und der französische Präsident François Hollande gemeinsam dem neuen amerikanischen Präsidenten klargemacht hätten, dass eine Aufhebung der Sanktionen einem Einverständnis mit Putins völkerrechtswidriger Ukraine-Politik gleichkomme, sagte Kanzleramtsminister Peter Altmaier (CDU) in der ZDF-Sendung «Maybritt Illner»* (Frankfurter Allgemeine Zeitung. 03.02.2017).

Употребляя глагол *haben* в сослагательном наклонении, адресанты (в данном случае Ангела Меркель, Тереза Мэй и Франсуа Олланд как представители Европейского Союза) имплицитно осуществили тактику обвинения в сторону нового президента США Дональда Трампа: «Решающим фактором стало то, что канцлер Ангела Меркель (ХДС), премьер-министр Великобритании Тереза Мэй и президент Франции Франсуа Олланд совместно дали понять новому американскому президенту, что отмена санкций будет соответствовать антиукраинской политике Путина».

2.1.2 Реализация тактик оскорбления и издёвки в немецком политическом дискурсе

Тактики оскорбления и издёвки довольно близки друг к другу по силе воздействия. Как и тактика обвинения, они направлены на понижение оценки оппонента, с целью унизить или даже высмеять. Данные характеристики позволяют также резко изменить взгляд получателя сообщения на объект издёвки или оскорбления, пересмотреть собственную оценку. Кроме того, важно отметить, что при помощи данного приёма сторона-противник способна довольно быстро дискредитировать оппонента, т.к. приёмы, используемые для реализации данных тактик, вызывают мгновенную реакцию у реципиентов.

Итак, наиболее яркими средствами, которые удалось выявить в ходе анализа, являются:

1. Имена существительные и имена прилагательные с уничижительной коннотацией (*der Nationalist, der Hofnarr, die Schikane, destruktiv, illegitim, pathetisch, wütend*)

- *Der Nationalist, der in Parlament und Fernsehen die Rolle eines Kreml-Hofnarren hat, schnitt die Torte vor laufenden Kameras an* (Frankfurter Allgemeine Zeitung. 28.04.2019).

В данной статье адресант обвиняет государство в лице Кремля в осуществлении очередных провокаций, направленных на Украину. В данном конкретном случае автор статьи повествует адресату о политическом ток-шоу, транслируемом российскими СМИ. В ходе программы произошёл инцидент, который был спровоцирован В.В. Жириновским, лидером партии ЛДПР. Известный политик на видео разрезал торт в виде карты Украины, при этом «отдав» основную часть России. Адресант использует имена существительные с резко отрицательной коннотацией *Nazionalist* («националист») и *Hofnarr* («шут»), тем самым дискредитируя объект, на который направлена тактика оскорбления.

Der Nazionalist – Anhänger des Nationalismus (националист (им. сущ.) – приверженец национализма) [Duden, 2019: URL].

Der Hofnarr – (besonders vom 16. bis 18. Jahrhundert) Spaßmacher und Unterhalter an einem Hof (шут (им. сущ.) (устаревшее) – шут и конферансье при дворе) [Duden, 2019: URL].

- *Russland darf das zwar, doch das Ausmaß legte nahe, dass es dabei um **Schikane** ging* (Frankfurter Allgemeine Zeitung. 26.11.2018).

В статье обсуждается новая ветка конфликта между Россией и Украиной, который изначально и послужил обострению отношений между Российской Федерацией и США. Так, в данном контексте представители Украины не довольны тем, как Россия распоряжается правами на Азовском море, считая, что страна пренебрегает установленными правилами. Однако, далее также заявляется, что «России разрешено это делать [мост, построенный на Азовском море из России на полуостров], однако, это производит впечатление какого-то издевательства».

Die Schikane – [unter Ausnutzung staatlicher oder dienstlicher Machtbefugnisse getroffene] Maßnahme, durch die jemandem unnötig Schwierigkeiten bereitet werden; kleinliche, böswillige Quälerei (Издевательство, оскорбление (им. сущ.) – [при государственной или официальной власти] мера, создающая для кого-то трудности; мелкие, злобные издевательства) [Duden, 2019: URL].

- *Die von den USA verhängten "**destruktiven und illegitimen**" Sanktionen würden nichts außer einer weiteren Verschlechterung der russisch-amerikanischen Beziehungen bringen, teilte das Außenministerium weiter mit. Das Weiße Haus agiere wie ein "**pathetischer** Chefankläger"* (Stern. 30.07.2014).

Вскоре после развязавшегося конфликта между Россией и Украиной, со стороны Европы и Запада были введены санкции против РФ. Ответом послужила «угроза» со стороны России о поднятии цен на энергию. Данное заявление вызвало волну недовольств в Европейском сообществе. Таким

образом, прибегая к тактикам оскорбления и издёвки, МИД России в своём обращении назвал санкции США "*destruktiv und illegitim*" («деструктивными и незаконными»). Наиболее ярким примером тактики издёвки в представленном контексте является описательное прилагательное «*pathetisch*» («исполненный пафоса») с отрицательной коннотацией.

Destruktiv – zerstörend, zersetzend (деструктивный (прил.) – разрушительный) [Duden, 2019: URL].

Illegitim – unrechtmäßig, im Widerspruch zur Rechtsordnung stehend, nicht im Rahmen bestimmter Vorschriften erfolgend (незаконный (прил.) – незаконно, противоречит закону, не соответствует определенным правилам) [Duden, 2019: URL].

Pathetisch [Gebrauch: abwertend] – voller Pathos, [übertrieben] feierlich, allzu gefühlvoll (патетический (прил.) – пафосный, преувеличенно торжественный, эмоциональный) [Duden, 2019: URL].

- *Dem FBI-Sonderermittler Robert Mueller warf Trump erneut Parteilichkeit vor. Für Mueller arbeiteten "17 wütende Demokraten", behauptete er. Sie verrichteten für den Ermittler die "schmutzige Arbeit". Dies sei "eine Schande für die USA" (Stern. 2.08.2018).*

Данная статья позволяет проследить способ осуществления тактики оскорбления действующим президентом США Дональдом Трампом. В продолжение конфликта, связанного с выборами 2016, в которых победил Д. Трамп, президент выступил против специального агента Мюллера, который занимался расследованиям возможной причастности России к победе Д. Трампа. Для дискредитации оппонента адресант – Дональд Трамп – за счёт лексических единиц прибегает к тактике оскорбления для понижения статуса: на Мюллера работали «17 злых [*wütend*] демократов», которые сделали за него «грязную [*schmutzig*] работу», что с перспективы президента является «позором [*die Schande*]» для США.

Wütend – voller Wut, durch Wut erregt (яростный, свирепый (прил.) – полный гнева, разозлённый) [Duden, 2019: URL].

Schmutzig – nicht sauber (грязный (прил.) – нечистый)
[Duden, 2019: URL].

Die Schande – etwas, was jemandes Ansehen in hohem Maße schadet
(позор, стыд (им. сущ.) – то, что наносит большой ущерб
репутации) [Duden, 2019: URL].

2. Имена существительные и глаголы с семантикой
оскорбления или издёвки (spotten)

• *Über den künftigen ukrainischen Präsidenten Wolodymyr
Selenskyj spottete Putin, dieser sei weder Gott noch ein Heiliger*
(Frankfurter Allgemeine Zeitung. 28.04.2019).

В статье автор выделяет такую точку зрения, что после выборов
президента Украины некоторые представители государственной структуры
России направили более ужесточённые действия в сторону Украины, а также
позволили себе «агрессивные высказывания». Из данного примера видно, что
адресант использует глагол *spotten* («высмеивать, издеваться»), предписывая
данное действие президенту РФ в его отношении к другому государству.

Spotten – (über jemanden, etwas) spöttisch, mit Spott reden, sich lustig
machen (издеваться, насмеяться (гл.) – издеваться, высмеивать кого-то)
[Duden, 2019: URL].

Подводя итог анализу немецкоязычного политического дискурса, в нём
ярко реализуются все три тактики, составляющие стратегию дискредитации.
Однако, авторы статей-немцы сами не выражают личное мнение
относительно описываемых конфликтов, а цитируют речи российских,
американских и европейских политиков.

2.2 Лингвистические приёмы выражения тактик обвинения, оскорбления и издёвки в американском политическом дискурсе

2.2.1 Реализация тактики обвинения в американском политическом дискурсе

США и Россия являются непосредственными участниками конфликта, являющегося центром нашего исследования. Изучив американский политический дискурс через средства массовой информации, нам предоставляется возможность проследить средства к реализации стратегий от лица одной из стран-участниц конфликта.

Германия и США – являясь европейской и западной странами соответственно – имеют ряд культурных отличий, которые также отражаются в языке носителей. Так, можно выдвинуть гипотезу, что мы будем наблюдать некоторые отличия в средствах реализации стратегии дискредитации.

Погружаясь в ситуацию конфликта, начавшегося между двумя соседствующими странами – Россией и Украиной –, в результате действий одной из сторон он обрёл международный характер. Теперь данная проблема релевантна и для Европейских и Западных государств. Несмотря на то, что Россия и США вели обоюдную коммуникацию как до ситуации с полуостровом Крым, так и после развернувшихся действий по настоящий момент между двумя государствами часто возникают разногласия на почве возникающих вопросов, что также обсуждается в средствах массовой информации. Как и в любом конфликте, участники и наблюдатели задаются целью выявить «правых» и «виноватых». Такая установка может тоже прямо влиять на принцип коммуникации и то, к каким приёмам будет прибегать адресант.

В рамках тактики обвинения, в американском политическом дискурсе, как и в немецком, можно структурировать средства её реализации:

1. Имена существительные и глаголы с семантикой обвинения (accusation, blame; to accuse, to blame)

- *In Moscow, Mr. Putin **blamed** the months of crisis in Ukraine on Western leaders, saying they had forced Kiev to choose between Russia and the European Union* (The New York Times. 27.06.2014).

В данной статье речь идёт о начале конфликта, который имеет практическую значимость для данной бакалаврской работы. В центре обсуждения стоит торговый договор, который был заключён между Украиной и странами Европы. Такое действие повлияло и на Россию тоже, т.к. президент государства давно стремился к установлению отношений с Европой и Западом, что в итоге удалось Украине. В приведённом примере автор статьи цитирует фразу, сказанную президентом РФ, где В.В. Путин «обвиняет [*blame*] западных лидеров в затянувшемся кризисе на Украине». Оперируя глаголом *to blame*, адресант в эксплицитной форме присваивает вину оппоненту, тем самым омрачая его образ перед получателями сообщения.

To blame – to say or think that someone did something wrong or is responsible for something bad happening (обвинять (гл.) – сказать или подумать, что кто-то сделал что-то не так или ответственен за что-то плохое) [Cambridge Dictionary, 2019: URL].

- *The DNC lawsuit also names as a defendant the Russian military intelligence service, the GRU, which has been **accused** by the U.S. government of orchestrating the hacks* (The Washington Post. 20.04.2018).

Предметом обсуждения в статье являются обвинения в сторону России и кампании Д. Трампа о заговоре вывести Дональда Трампа в лидеры на выборах президента США 2016. В запросе также утверждается, что лидеры кампании вступили в сговор с российским правительством для дискредитации партии Хиллари Клинтон. Здесь под обвинение попадает ГРУ как ответственная за организацию взлома сторона.

To accuse – to say that someone has done something morally wrong, illegal, or unkind (обвинять (гл.) – заявить, что кто-то сделал что-то морально

неправильное, незаконное или нехорошее) [Cambridge Dictionary, 2019: URL].

- *Kasparov does not back this up with extensive hard evidence, but the **accusation** is credible in view of the tremendous wealth that Putin buddies have accumulated* (U.S. News & World Report. 03.11.2017).

В статье говорится о работе Роберта Мюллера над расследованием дела о вмешательстве России в президентские выборы США 2016. У Р. Мюллера есть такая же своя команда работников, которые помогают ему с продвижением над делом. Так, в статье о расследовании упоминается советский и российский деятель Гарри Каспаров, который в своей книге говорил о В.В. Путине. В тексте *accusation* берётся в речевой оборот как эксплицитное выражение обвинений в сторону президента РФ.

Accusation – the act of accusing someone; the state or fact of being accused (обвинение (сущ.) – акт обвинения кого-либо; утверждение или факт обвинения) [Merriam-Webster, 2019: URL].

- *President Vladimir Putin has attempted to minimize the difficulties and deflect **blame** toward the West* (The New York Times. 30.12.2014).

В статье «Rapprochement with Russia» автором обсуждается экономический кризис в России, спровоцированный резким падением рубля. Здесь также идёт обсуждение причин, которые привели к сложившейся ситуации. Адресант комментирует, что В.В. Путин совершил попытку «перевести *вину* на Запад». Можно предположить, что, оперируя именем существительным *blame*, адресант намеревался таким образом подчеркнуть, что в этом действительно есть чья-то вина, а конфликтующие стороны стремятся определить виновного.

Blame – an expression of disapproval or reproach (вина (им. сущ.) – выражение неодобрения или упрёка) [Merriam-Webster, 2019: URL].

2. Употребление оценочных эпитетов с отрицательной коннотацией (illegal, hostile, suspicious)

- *The suit asserts that the Russian hacking campaign — combined with Trump associates' contacts with Russia and the campaign's public cheerleading of the hacks — amounted to an **illegal** conspiracy to interfere in the election and caused serious damage to the Democratic Party* (The Washington Post. 20.04.2018).

Оценочные прилагательные помогают усилить воздействие речи адресанта на реципиентов и сформировать у них ассоциативное отношение к оппоненту. Так, в данном контексте американская сторона конфликта обвиняет Россию в «хакерских атаках» и организации незаконного («*illegal*») заговора с целью «вмешаться» в выборы и нанести «серьёзный ущерб» демократической партии.

Illegal – not according to or authorized by law (нелегальный (прил.) – не в соответствии с законом) [Merriam-Webster, 2019: URL].

- *So what words should we use to describe suspicious Trump-Russia connections in the context of the 2016 presidential campaign?* (U.S. News & World Report. 11.01.2018)

Автор статьи обсуждает развернувшийся конфликт о «сговоре» российского правительства с Дональдом Трампом. И хотя с президентских выборов на момент публикации текста прошло около двух лет, данная тема всё ещё является широко обсуждаемый как в обществе, так и в СМИ. Автор лишь имплицитно излагает свои мысли, а имя прилагательное с негативной коннотацией *suspicious* («подозрительный») помогает выразить мнение адресанта и оказать влияние на формирование позиции у реципиента. Кроме того, рассматривая предложение на синтаксическом уровне, оно построено как риторический вопрос, что характерно для реализации стратегии дискредитации.

Suspicious – making you feel that something illegal is happening or that something is wrong (подозрительный (прил.) – вызывает чувство, что что-то не так или происходит что-то незаконное) [Cambridge Dictionary, 2019: URL].

Анализируя практический материал для исследования тактики обвинения, мы заметили, что для американского политического дискурса характерна высокая частота употребления оппозиции «свой» и «чужой», тем самым отделяя «свой» народ, «свою» культуру от остальных. Для понижения авторитета оппонента, его значимости, как и для создания положительного образа «своих» данное средство может сыграть решающую роль. Реализация оппозиции реализуется посредством:

1. Употребление морфологических средств (притяжательные и личные местоимения: *our, their, we, us, they*)

- *The U.S. government seeks to arm network defenders with the tools they need to identify, detect and disrupt Russian malicious cyber activity that is targeting **our** country's and **our** allies' networks,» Homeland Security, the FBI and the director of national intelligence said in a joint statement (Daily News. 30.12.2016).*

Вновь возвращаясь к теме выборов президента, которые прошли в 2016г., адресант повествует о докладе, опубликованном ФБР, где собран ряд доказательств, что Россия и кампания Трампа были связаны с данным конфликтом, а представители из России вели «ожесточённую» кибератаку для подтасовки результатов. Однако, правительство США осуществляет ряд задач для «определения и устранения» атак со стороны России. Языковое средство разделения «своих» и «чужих» способствует дискредитации стороны противника и повышает общую значимость всех жителей своего государства: «эти кибератаки направлены на *нашу* страну и *наших* союзников».

- *To ask Russia to simply concede to the Americans now is to ask them to swallow **their** own beliefs* (The New York Times. 28.03.2014).

«Просить Россию на данном этапе уступить американцам – это всё равно что попросить проглотить *их собственные убеждения*».

Помимо морфологических средств, грамматически тактика обвинения, как и в немецкоязычном политическом дискурсе, может быть выражена синтаксически:

- *[President Vladimir Putin has attempted to minimize the difficulties and deflect blame toward the West,] but the problem is serious and no one is to blame but Mr. Putin himself* (The New York Times. 30.12.2014).

Союз *but* в предложении играет роль эффекта усиления игры на понижение оппонента, указывает на некоторую «исключительность». Приём лексического повтора исполняет роль повышения негативной коннотации за счёт союза. Здесь адресант «перекладывает» вину на президента страны-противника. Беря во внимание, что фигура президента является прямым представителем того или иного государства, можно сделать предположение, что автор статьи имплицитно обвиняет и страну в целом.

2.2.2 Реализация тактик оскорбления и издёвки в американском политическом дискурсе

Тактики оскорбления и издёвки имеют место быть и в американском политическом дискурсе. Несмотря на то, что данные тактики применяются редко (в частности, в сравнении с тактикой обвинения), они довольно ярко заметны в коммуникативном сообщении.

1. Имена существительные и имена прилагательные с уничижительной коннотацией (*malicious, hostile*)

- *America, he said, has experienced "a sustained attempt by a hostile power to feed and exploit our country's divisions" – an apparent reference to Russian meddling in the 2016 presidential election* (U.S. News & World Report. 19.10.2017).

В данной статье адресантом является Джордж Буш, бывший президент США. Дискутируя о проблемах внутри страны и влияние со стороны

иностранных государств, Дж. Буш высказывает особое беспокойство относительно инцидента, связанного с «российским вмешательством». Имя прилагательное с негативной коннотацией *hostile* («враждебный») передаёт отношение адресанта к противоположной стороне конфликта и подкреплено притяжательным местоимением *our*, как бы разграничивая стороны.

Hostile – of or relating to an enemy; having or showing unfriendly feelings (враждебный (прил.) – вражеский; проявляет недружелюбие) [Merriam-Webster, 2019: URL].

2. Имена существительные и глаголы с семантикой оскорбления или издёвки (*loser*)

«The big loser in all this is Putin,» said Amanda Paul, a researcher at the European Policy Center, a Brussels research group (The New York Times. 27.06.2014).

Адресантом, оперирующим тактикой оскорбления, выступает Аманда Пол, занимающаяся исследованиями в European Policy Center, Брюссель. Таким острым высказыванием она реагирует на попытки президента Российской Федерации установить доверительные отношения со странами Европы и Запада. Употребив в своей речи оскорбительное *loser*, она тем самым пошла на понижение значимости оппонента и его высмеивание.

Loser – a person who loses especially consistently; a person who is incompetent or unable to succeed (лузер (им. сущ.) – человек, который постоянно проигрывает; некомпетентен или неспособен преуспеть) [Merriam-Webster, 2019: URL].

3. Употребление инвективной лексики (*bandits, buddies*)

• *The accusation is credible in view of the tremendous wealth that Putin buddies have accumulated. Why would Putin himself not wet his beak, if all his pals are making out literally like bandits, and he's assuring it through his own policies and practices? (The US News. 03.11.2017)*

В приведённой ситуации адресант, являющийся автором статьи, обвиняет В.В. Путина в коррупции, а также в том, что он способствует

криминальной деятельности, позволяя своим «друзьям» наживаться деньгами. Инвективная лексика позволяет выразить уничижительное отношение к оппоненту, а также передать оскорбление и издёвку, что мгновенно вызывает резонанс у реципиентов. Сами по себе существительные *buddy* и *pal* имеют нейтральное значение, но в зависимости от цели говорящего могут обретать как положительную, так и отрицательную трактовку (как в данном примере). В данном конкретном случае их можно отнести к инвективным, т.к. адресант оперирует с иронией и пренебрежением.

Buddy – used when talking to a man, sometimes in a friendly way but often when you are annoyed (приятель, дружище (им. сущ.) – обращение в дружелюбной манере, но также часто употребляется, когда собеседник раздражает) [Cambridge Dictionary, 2019: URL].

Pal – used when talking to a man, sometimes in a friendly way but more often to a man who is annoying you (приятель, дружок (им. сущ.) – зачастую употребляется при разговоре с мужчиной, иногда по-дружески, но намного чаще как обращение к тому, кто раздражает) [Cambridge Dictionary, 2019: URL].

Bandit – an outlaw who lives by plunder; a member of a band of marauders (бандит (им. сущ.) – преступник, живёт грабежом; мародёр) [Merriam-Webster, 2019: URL].

В целом, для американского политического дискурса характерно как эксплицитное, так и имплицитное выражение тех или иных тактик. Однако, сравнивая с немецкоязычным дискурсом, адресанты могут прибегать к более резким лексическим выражениям, в частности при тактиках оскорбления и издёвки.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Средства массовой информации способны оказывать значительное влияние на общество. Так, обращаясь к политическому дискурсу, письменные источники (такие как газеты и информационные журналы) можно назвать самым аутентичным и эффективным способом обмена сообщениями между адресантом и реципиентом.

Языковой анализ материала был проведён на лексическом и грамматическом уровнях, что позволило сделать определённые выводы о том, как осуществляется стратегия дискредитации в политических СМИ в немецкой и американской культурах.

В результате анализа нами был сделан вывод, что наиболее частой тактикой, посредством которой адресант реализует стратегию дискредитации, является тактика обвинения. Так, на лексическом уровне данная тактика эксплицитно выражается через имена существительные (например, *die Schuld*, *die Täterschaft*, *die Anklage* – в немецком языке; *blame*, *accusation* – в английском языке) и глаголы (например, *anklagen*, *vorwerfen*, *beschuldigen*; *to blame*, *to accuse*) с семантикой обвинения и оценочные эпитеты с отрицательной коннотацией (*böswillig*, *agressiv*, *schuld*; *malicious*, *hostile*, *suspicious*) для усиления коннотации обвинения. Оппозиция «свой» – «чужой» часто используется коммуникантами для разграничения сторон, а также настраивает получателей сообщения против оппонента. Например, в немецкоязычном дискурсе коммуникант реализовывает данный коммуникативный ход союзами «*nicht...sondern*», а в американском дискурсе при помощи притяжательных местоимений «*our*» и «*their*».

Тактики оскорбления и издёвки являются более жёсткими по сравнению с тактикой обвинения и встречаются в политическом дискурсе данных языковых групп реже. В ходе исследования мы отметили, что наиболее успешно данные тактики реализуются через имена существительные, имена прилагательные и глаголы с отрицательной и

уничижительной коннотацией: der Enthüller (разоблачитель), die Schande (позор). В американской лингвокультуре было также выявлено обращение коммуникантов к инвективной лексике (например, bandits, losers).

Также адресанты реализуют стратегию дискредитации посредством синтаксических и морфологических средств, таких как приём антитезы (например, no one...but; союз aber), глаголы в форме сослагательного наклонения (hätte würde).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе изучения теоретического материала (монографий, диссертаций, сборников статей) нами были рассмотрены подходы к исследованию и трактованию термина «дискурс», являющегося теоретической базой данной бакалаврской работы. В качестве трактовки дискурса в рамках данного исследования было взято понимание его как связного текста в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными и другими факторами, взятого в понятийном аспекте.

Политический дискурс мы рассматривали как знаковое образование, понимающееся как текст в конкретной ситуации политического общения, а также в совокупности с вербальными и невербальными знаками. Беря во внимание, что последние несколько лет на политической арене происходит международное противодействие между странами, осуждающими политические действия друг друга, – в нашей работе это противодействие России и США – политический дискурс на данный момент является одним из самых актуальных для изучения.

Совершая те или иные коммуникативные шаги, адресанты придерживаются определённой коммуникативной стратегии. Коммуникативные стратегии, которые понимаются как некий комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели, подразумевают наличие коммуникативных шагов для реализации стратегий. В центре настоящего исследования стоит стратегия дискредитации в политическом дискурсе.

Подходы к реализации данной стратегии рассматривались нами через текстовый материал – качественные статьи немецких и американских изданий. Адресантами выступали непосредственно авторы статей и значимые политические деятели. В нашем исследовании мы пришли к следующему выводу: стратегия дискредитации в политическом дискурсе в качественной прессе может выражаться через тактики обвинения,

оскорбления или издёвки, однако, наиболее наглядно можно проследить реализацию именно тактики обвинения, т.к. она наиболее часто реализуется в данных дискурсах. Она может быть выражена через лексические единицы с отрицательной коннотацией или семантикой обвинения, тогда данная тактика будет выражаться эксплицитно. Тактики оскорбления и издёвки наиболее ярко представлены через, соответственно, лексические средства с семантикой издёвки, насмешки или упрёка. Все три тактики также реализуются на грамматическом уровне: синтаксические и морфологические средства могут усиливать осуществление той или иной тактики. Оппозицию «свой» – «чужой» также можно назвать одним из самых распространённых средств реализации стратегии дискредитации в целом в немецком и американском политическом дискурсе.

В начале исследования мы выдвинули гипотезу, что и в том и другом политическом дискурсе в масс-медийном пространстве наиболее часто употребляемыми средствами будут являться языковые средства реализации стратегии дискредитации на лексическом уровне. Мы подтвердили эту гипотезу: действительно различные лексические единицы, например, глаголы с семантикой обвинения *to blame* или двойные союзы *nicht...sondern* для разделения «своих» и «чужих», данные средства находятся в высоком обороте при реализации коммуникативной стратегии дискредитации и её тактик.

В результате проведённой работы нам удалось выполнить задачи, поставленные в начале исследования. Мы изучили основной терминологический аппарат, опираясь на научные труды известных лингвистов. Подробно изучили явление политического дискурса как самостоятельного направления, а также как разновидность институционального дискурса. Помимо составления теоретического базиса настоящей бакалаврской работы нами также было проведено самостоятельное лингвистическое исследование. В результате нам удалось выявить лексические и грамматические средства и провести анализ языковых

средств реализации стратегии дискредитации и составляющих её тактик в американском и немецком политическом дискурсе. Это позволило нам сделать выводы о том, как представители немецкой и американской лингвокультур осуществляют стратегию дискредитации в политическом дискурсе, а также сформировать предпосылки для дальнейших перспектив исследования данной тематики в лингвистике и наметить практическую значимость работы для других областей. Так, для начинающих журналистов это может послужить практическим материалом о масс-медийном пространстве и различных типах дискурса, а для начинающих политиков как пример способов речевого воздействия и иллюстративный материал различных языковых реализаций тактик и наблюдения вероятного результата.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. 2009. URL: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/diskurs/168> (дата обращения: 27.02.2018)
2. Балахонская Л.В. Стратегия дискредитации конкурентов как основа реализации стратегии самопрезентации в рекламной коммуникации // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2014. Вып. 12. С. 80-89.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2009. 448 с.
4. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С.88-125.
5. Борботько В.Г. Общая теория дискурса: Принципы формирования и смыслопорождения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. [Электронный ресурс] // Краснодар, 1998. 250 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/obshchaya-teoriya-diskursa-printsipy-formirovaniya-i-smysloporozhdeniya> (дата обращения: 15.03.2019)
6. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 288 с.
7. Будаев Э.В. и др. Современная политическая лингвистика: учеб. пособие; отв. ред. А.П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2011. 252 с.
8. Гаврилова М.В. Лингвистический анализ политического дискурса // Доклады эмпирических политических исследований СПбГУ. Вып. 3. 2002. С. 88-108.
9. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса [Электронный ресурс] // Язык СМИ как объект междисциплинарных исследований. М.: Изд-во МГУ, 2003. URL:

http://evartist.narod.ru/text12/09.htm#%D0%B7_18 (дата обращения: 11.05.2019).

10. Дейк Т.А. ван. К определению дискурса. [Электронный ресурс] // London: Sage, 1998. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>

(дата обращения: 05.02.2018)

11. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.

12. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 239-320.

13. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Отв. ред. М.Н. Володина. [Электронный ресурс] М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003. С.116-133. URL: <http://www.infolex.ru/SMI1.htm> (дата обращения: 15.03.2018)

14. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. № 3 [Электронный ресурс] М., 2002. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/demyankov-02.htm> (дата обращения: 8.03.2018)

15. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.

16. Иссерс О.С. Паша-"Мерседес", или речевая стратегия дискредитации // Вестник Омского университета. Вып. 2. 1997. С. 51-54.

17. Иссерс О.С. Посмотрите, на кого он похож!» (К вопросу о речевых тактиках дискредитации) // Вестник Омского университета. Вып. 3. 1997. С. 81-84.

18. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

19. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты дискурса. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
20. Карякин А.В. Стратегия дискредитации как способ реализации речевой агрессии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2009. №2 (10). С. 163-167.
21. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 2003. 90 с.
22. Кубрякова Е.С. Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров // О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: обзор. РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. отд. языкознания; Редкол.: Ромашко С.А., отв. ред. и др. М., 2000. 232 с.
23. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
24. Михалёва О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
25. Моногарова А.Г. Проблема онтологии и структуры дискурса. Специфика англоязычного дискурса медиации // Молодой ученый. Рубрика: Филология. 2013. Вып. 5 (52). С. 490-495. [Электронный ресурс] URL: <https://moluch.ru/archive/52/6936/> (дата обращения: 24.03.2019).
26. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // 2017. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 03.04.2019).
27. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // 2019. URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-20490.htm> (дата обращения: 03.04.2019).
28. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография / науч. ред. д-р. филол. наук В.И. Карасик. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.

29. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2005. 325 с.
30. Рыжкова Л.П. Французская прагматика. М: УРСС, 2007. 236 с.
31. Серио П. Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. 416 с.
32. Соломатина А.О. Оценка как базовый элемент стратегий восхваления и дискредитации в политической газетной коммуникации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2014. №2 (140). С. 74-78.
33. Степанов Ю.С. Язык и наука конца 20 века. М., Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. 432 с.
34. Сычева Е.В. Понятие дискурса масс-медиа и методы его изучения. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Раздел: Языкознание. 2011. Вып. 3. 8 с.
35. Федорова К.И., Сабурова Н.В., Николаева С.В. Реализация речевой агрессии: стратегия дискредитации и стратегия манипулирования в англоязычных СМИ // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2016. № 5 (55). С. 154-166.
36. Федорова Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. №6. С. 46–50.
37. Хабекирова З.С. Стратегия дискредитации и приемы ее реализации в политическом дискурсе демократической оппозиции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 138-144.
38. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. Москва: Финта, Наука, 2006. 254 с.
39. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. 10.02.19. Волгоград, 2000. 31 с.

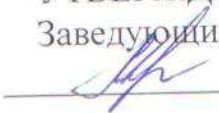
40. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. 10.02.19. Волгоград, 2000. 440 с.
41. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс] // 2019. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 25.04.2019).
42. Duden. Wörterbuch [Электронный ресурс] // 2019. URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 3.05.2019).
43. Habermas J. Erläuterungen zum Begriff des kommunikativen Handelns // Habermas J. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verl., 1989. S. 571-606.
44. Harrys Z. Discourse Analysis. Language, 1952. V.28 №1. P. 1–30.
45. Lakoff R.T. Persuasive discourse and ordinary conversation, with examples of advertising. In Tannen D. (Ed.) Analyzing discourse: text and talk. Georgetown University Press, 1982. P. 25–42.
46. Merriam-Webster. Dictionary [Электронный ресурс] // 2019. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 25.04.2019).
47. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. The University of Chicago Press, 1983. 279 p.
48. van Dijk Teun A. Ideology A Multidisciplinary Approach. Sage Publications London. Thousand Oaks. New Delhi 1998. 384 p.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой ТГЯиМКК

 О.В. Магировская

« 05 » июль 2019 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ДИСКРЕДИТАЦИИ В
НЕМЕЦКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ
(НА ПРИМЕРЕ КОНФЛИКТА США – РОССИЯ)**

Выпускник

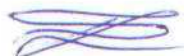
Е.Ю. Пчелинцева

Научный руководитель

канд. филол. наук,
доц. каф. ТГЯиМКК Л.М. Штейнгатт

Нормоконтролер

С.В. Кузьмина

Красноярск 2019